

18+

Смотри, Довлатов

Рассказ

Сергей Виль

Сергей Алексеевич Виль Смотри, Довлатов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63689311

SelfPub; 2021

Аннотация

Иногда на чужбине страшнее всего свои. Рассказ о юноше и девушке, потерявшихся в Амстердаме.

Сергей Виль

Смотри, Довлатов

Вообще-то редко бывает, что в самолёте попадают первые места в салоне. Особенно если пришёл не заранее. Особенно если не доплатил.

Сесть у аварийного выхода может повезти, а на первом ряду оказываешься только по письменному распоряжению Фортуны. С круглой и треугольной печатями. Когда самолёт разбивается, пассажиры в первых рядах умирают первыми, но до конца жизни летят с комфортом.

Мы оба невысокие, но вытянуть ноги приятно. Мой рост сто семьдесят, а у Ники Гиршевич и того меньше. Едва ли сто шестьдесят. Я почти лежал, а она, скромничая, сидела. Если посмотреть сбоку, можно увидеть длинные-длинные ноги в джинсах, заправленных в носки, и короткие – в болотных сатиновых штанах. Не уверен, что именно в сатиновых, но, если бы я изобрёл такую ткань, назвал бы сатином.

Мы сидим и смеёмся. Даже не из-за того, что это рейс Москва-Амстердам. Просто иногда бывает хорошо, как в это утро, девятого мая 2018 года. Мама подняла меня рано, чтобы отвезти в Шереметьево. Я снова досматривал сны, просыпаясь: «Мам, я с-час припаркуюсь и пр-снусь...», снова бегал по дому, собирая последние вещи.

Я грустил по дороге в аэропорт: досадно и слегка больно

пропускать День Победы, единственный, как мне казалось, праздник в России, когда вторят друг другу сто сорок шесть миллионов сердец. Светило свежее майское солнце, под которым улицы пахнут квасом по скидке и чизбургерами на веранде «Макдональдса». Мне хотелось остаться, но студенческая конференция в Утрехте начиналась сегодня вечером. Подумаю о Родине там.

В машине мы слушали военные песни. Я предложил включить «День Победы», но мама сказала, что может заплакать. Тогда я включил «Як-истребитель» Высоцкого. Слушать перед рейсом песню про крушение самолёта – к добру. *«Вот он задымился, кивнул и запел: ми-и-ир вашему дому!»*

Я нашёл Нику, субтильную и бойкую, с гигантским баулом около стойки регистрации – и сейчас мы сидели в самолёте. Я вообще редко счастлив, но сейчас, кажется, был.

Иногда встревоженные нервы тискают, щекочут тебя изнутри, и хочется шутить, кривляться, смешать себя и собеседника. Будто ты выдра, уютно устроившаяся в тёплом мху, потягивающаяся и урчащая от радости. Зоолог-энтузиаст умиляется, а тебе и самой приятно.

Мы много цапались с Никой. Она обвиняла меня в недостаточной организованности, а я её – в чрезмерной. Мы в пух и прах ругались на почве политики, истории, религии. Меня раздражала её неспособность найти время после пар, чтобы со мной погулять. Нику вымораживало моё нежелание выполнять её мелкие поручения по учёбе. После того, как мы

впервые поцеловались, она призналась мне, что влюбилась, но не желает потакать спонтанным сердечным порывам. А я и не думал предлагать ей встречаться. Но терпеть не мог тот факт, что в Минске её ждал двадцатичетырёхлетний парень.

Плюя на всю скопившуюся подноготную, я вновь и вновь наивно трепетал внутри, когда мне предстояло провести с Никой время. Сейчас это было пять дней. Вдвоём, на конференции по теме, в которую мы погружены по макушку, среди других европейских студентов, в стране, где легализованы лёгкие наркотики. Даже если мы с Никой повздорим, я потерплю.

Мы листали журналы из кармашка впереди и снимали короткие дурацкие видео. Примерно над Венгрией, я, праздно блуждая глазами по окружающему нас салону, вдруг обратил внимание на мужчину, сидящего через ряд. Он без особого интереса смотрел на планшете фильм, слегка помяв молодёжную причёску гигантскими дорожными наушниками.

Высокого роста, с чёрной бородой, кавказским профилем и широкими в бицепсах крепкими руками, он до невероятного – ну просто ужасно – напомнил мне Сергея Довлатова.

– Смотри, Довлатов! Только осторожно обернись.

Она постаралась посмотреть, не поворачивая головы совсем.

– Слушай, да-а! Сфотографируй, как будто фотографируешь меня, – тихо предложила она.

Я неестественно отодвинулся назад, а Ника, подыгрывая,

неестественно приосанилась – ровно так, чтобы не закрывать «Довлатова». Фотография получилась, и мы вернулись к вёселому бесцельному щебету. Я несколько раз взглянул на его татуировки, и больше не смотрел.

Мы сели вовремя, и Амстердам встретил нас лучами азартного, деловитого столичного солнца. Я с досадой снял куртку: теперь придётся нести её под мышкой. Мы перебирали, как карты в колоде, нужные для паспортного контроля документы, когда услышали откуда-то сзади и сверху басовитый, низкий, приветливый голос:

– Ребят, извините, вы по-английски нормально? Давайте вместе через контроль пройдём?

Мы обернулись: над нами возвышался «Довлатов». Он оказался рослее, чем я думал, и говорил со мной (а тем более с Никой) сверху вниз. Он приветливо улыбался и сильно пах приятными, маскулинными духами, как любой ухоженный кавказский мужчина. Модные «найки», причёска из барбершопа, татуировки на плечах и повисшие на шее большие наушники. Он выглядел молодо и прогрессивно, хотя «пацаном» или «парнем» такого крепкого, статного человека назвать неудобно. Сдерживая ехидство от встречи со старым знакомым, я ответил:

– Без проблем.

– Супер! Меня Артур зовут.

– Серёга.

– Ника, – она почти подмигнула мне: «Накликал».

– Очень прия-ятно, – расплылся в улыбке Артур, – какими судьбами тут? Проводите майские с пользой? – он кивнул на висящую рядом фотографию амстердамской улицы и гоготнул. Я вежливо усмехнулся, показав, что понял шутку.

– Да, вроде того.

– У нас конференция для студентов. Представляем свой университет.

– Ребята, атас, молодцы. Мне бы так в ваши годы! А у меня друзья здесь! Устроят мне трип по Амстеру.

Мы несколько минут знакомились, – довольно дежурно и пресно, несмотря на заразную энергичность Артура, – пока щекочущее внутреннее чувство, описанное в начале рассказа, не подтолкнуло меня сказать:

– Я ведь ещё в начале рейса вас заметил. Вы, знаете, очень похожи на Сергея Довлатова.

– Да ну?! – Артур расхохотался, – Это такой, в очёчках?

– Нет, сейчас, момент, – я открыл на телефоне одну из поздних фотографий писателя.

– Дружище, ну чуть-чуть если.

– А сколько вам? – всегда неловко задавать этот вопрос, но логика разговора велела.

– Давай, может, на «ты»?

Я смутился и посмотрел на Нику, повесив паузу.

– Да я, понимаешь, выбрался показывать, – начал он секунд через десять, будто оправдываясь, – так-то я в Осетии

врач, дантист, у меня сын чуть помладше вашего. Малый ещё, с собой не вожу его. Так что я сейчас молодёжь, как и вы, хотя сорок лет стучится сверху, – он хохотнул снова, — мне на «ты» полегче будет.

Жизнь в Мытищах, а позже и в Москве научила меня (не)здоровому цинизму, особенно когда дело доходит до чужих взрослых людей. Я с детства помнил, что с чужими дядями нельзя заходить в подъезд или в лифт. Уже подростком, и носа не суя дальше школьного двора, я смотрел на незнакомцев в оба, чего уж говорить о юношеских годах, безотчётных и незащищённых. Однако Артур у меня недоверия не вызвал. Это был приятный, дружелюбный мужчина, искренне смеющийся, искренне улыбающийся. Он, как и мы, приехал насладиться Нидерландами, как и мы, первым делом собирался посетить кофешоп. Тем более, ему нужен был наш английский, а нам – поймал я себя на мысли – даже спокойнее в чужом городе с таким другом-колоссом.

– На «ты» так на «ты», – улыбнулся я Артуру, а затем Нике.

– Дело! – он широко улыбнулся и пожал нам руки.

За дверьми вагона, в котором мы прибыли из аэропорта, нас ждал центральный вокзал города Амстердам. Артур остановил нас, чтобы найти бумажную карту города. Я проголодался и хотел курить, но Ника признала его идею хорошей, и мы пошли искать путеводитель. С туристической

стойки мы взяли три. Артур восторженно воскликнул: «Летс гоу!», и сквозь крутящиеся двери мы вышли в солнечный город.

Дома из оранжево-красного камня, смешные окошки в крышах, будто нарисованные ребёнком, велосипеды у парапетов, слипшиеся в бесконечную цепь. Никины глаза блестели от живого, неподдельного упоения. В них отражались европейские фасады, не тронутые ни временем, ни глупостью современных градостроителей, каналы, в которых, как скорлупки в ручье, раскачивались нарядные лодочки. Так выглядит европейская девушка: органичная в городе, где я вечно был бы приезжим. Тонкая, нежная, с огромным синим рюкзаком, косолапящая, когда останавливается в раздумье.

Я влюбился в неё в сентябре. В изящную, смешную, живую, умную. Я не помню, в какой момент узнал, что у неё есть парень. Кажется, я знал это всегда. Я наблюдал за ней, как за оранжерейным цветком, – через запылённое стекло в ботаническом саду, – и не питал заблуждений, что насаждения можно срывать и уносить. Да и не стоило, не хотелось. Мы только начали общаться, и вечер просидели на скамейке около университета, болтая о чепухе. Обгоняя ночь на пути домой, я скользил под улицами столицы, а из наушников, перекрикивая лязг вагона, пела «Океан Эльзы».

*«Моя Джульетта, кажуть, що любов уже не та,
Хіба б ти сьогодні мовчала, Джульє-етта?»*

Мне казалось, что у неё нет в жизни цели – и я ужасно раз-

дражался. Я бурчал, когда она в очередной раз рассказывала мне про новомодного французского режиссёра, снимающего фильмы вверх ногами и задом наперёд – а потому ужасно концептуального. Иногда мне рядом с ней было душно – от её спокойной неопределённости и блестящей поверхностности. А всё потому, что той Никой, которая поразила меня в сентябре, – взволнованной на новом месте, неизвестной, как исход игры в казино, глубокой и болящей, как я сам, – я хотел её видеть всегда. Мне тоже хотелось, чтобы каждая наша встреча поселяла в её сердце волнение и задор – но она спокойно ходила со мной на занятия, думая о своём, и убегала в театр, когда я звал её в кино.

А я и так был счастлив. Потому что она есть. Потому что можно по ней иногда страдать. Нужны такие люди в жизни. Вот она, со мной, в эту минуту: щурится на солнце, широко улыбаясь памятникам европейской архитектуры. А я...

А я через дешёвые солнцезащитные очки ищу вывески с листом характерного растения.

– Я не вижу пока, – озадаченно сказал я, повернувшись к Артуру.

– Спокуха, найдём по запаху!

Через минуту он действительно учуял аромат, который не распознать трудно, и повёл нас в закоулок, где зелёный неон высвечивал: «Coffeeshop». Невысокий голландский домик загораживал здесь солнце, а стены, жмущие улицу, как плечи в толпе, не пускали в подворотню много туристов. Впро-

чем, от вокзала мы отошли недалеко: здесь работали и летние веранды, и сувенирные лавки. Фантастически, здесь было прохладнее, чем на улице в пяти метрах отсюда.

Дверей в заведении не было. Может, спрятаны в стену? Мы вошли в помещение с низким потолком, опускающимся к дальней стене. В персиковом полумраке на дешёвых диванах сидели, раскинувшись, апатичные люди. У входа слева стояла барная стойка с товарами разных калибров и мастей. «Атмосфера!» – подумал я и занял место в середине продолговатого зала.

– Так, мы с Никой – мыть руки, сейчас будем.

Артур кивнул и пошёл к бару, а мы направились в уборную на второй этаж. Около стопки полотенец лежал кот, такой же безразличный, как и гости заведения.

Спускаясь обратно, мы увидели Артура, несущего в руках новую, свежую самокрутку.

– Ты уже? Садитесь, я сейчас нам куплю.

– Не выдумывай, угощаю!

– Нет, подожди, нехорошо, я сам хотел. Что я тебя объедать буду?

– Старик, успокойся – сейчас ещё с паспортом начнут канитель! Налетай!

Я не люблю нахлебничать, и не собирался отдыхать за чей-то счёт, но праздное, весёлое настроение заставило меня вспомнить о другом: «Бесплатно и укус сладкий».

Я положил наши сумки за спину, мы расселись вокруг низкого столика, и Артур дал искру. Мы сделали по несколько затяжек по кругу, и воодушевление в моей груди потеснилось, чтобы дать место щекотному, кислому дыму. Мы сидели молча, прислушиваясь к себе: когда начнётся? Или уже началось? А как будет? Подожди, а что, если будет слишком сильно?

Я откинулся на жёсткую спинку дивана. О чём, интересно, думают те, что, в углу? Здесь много туристов, но эти так спокойно себя чувствуют. Там трое парней арабской наружности. Или так свет падает? Да нет, не арабы это. Итальянцы, может быть – ну верно, это же Европа, тут есть и южные народности.

В телевизоре над барной стойкой транслировали будничные новости. На неопределённом фоне репортёр в костюме читал заготовку. С суфлёра, наверно.

А вообще в Европе же столько мигрантов сейчас. Вот в Германии – одни турки. Хотя, мы-то не в Германии. Значит, те трое не турки. С другой стороны, во времена Второй Мировой в Голландии был дом Анны Франк, и там её искали немцы. Антверпен. Значит, немцев и в Голландии полно. А если здесь немцы, а немцы уже почти все турки – то это явно турки. Они, вот, в телефонах сидят – на каком языке у них телефоны, интересно? Да точно на турецком. Стоп, а это не арабский? Нет, в Турции свой язык, там же латиница, ещё на рахат-лукуме пишут. А что вообще турки делают в теле-

фонах? Делают... В телефоне же ты ничего не делаешь, ты делаешь с ним что-то в жизни. То есть, ты ищешь что-то в нём, а применяешь уже то, что нашёл, в жизни. А что ищут турки? Наверно, читают страницу про Турцию на «Википедии», там ещё турецкий флаг на заглавной фотографии, наверно. Красный такой... А получается, этот флаг придумали коммунисты? Хотя, нет, красный на турецком флаге – это значит кровь. Звезда – это звезда героя, а погиб герой в ночи, если полумесяц. Нет, это у всех мусульманских стран звезда и полумесяц. А что мусульмане ищут в телефоне? Да то же, что и все: национальные блюда. А какие блюда готовят мусульмане?

– Я сейчас пойду, постою немножко, подышу, – Ника поднялась из-за стола и медленно пошла на улицу.

– Лады, – равнодушно ответил Артур.

Ну, правильно, воздух полезен для организма, и в любой ситуации выручает. А почему она вышла? Ей нехорошо? Ну, она худенькая, естественно ей будет нехорошо. А мне как?

С этой мыслью я перевёл взгляд на Артура. Тот, обнаружив, что коллектив теперь мужской, принялся описывать мне планы на сегодня:

– Меня, понял, друг ждёт, мы сейчас к нему кабанчиком. Там бассейн, тёлочки, всё тоси-боси. Сейчас же ещё выставка Ван Гога здесь. Ты когда-нибудь на Ван Гога под грибами смотрел? Водил меня Серёга на выставку Ван Гога, – он расхохотался, – мы сейчас таксу подрубим, поедем, понял,

к моему другу, у него дом роскошный, там компания, отвечаю, отличная. Вы там по культурной программе, а я с девчонками поплаваю.

На моих глазах Артур рос, увеличивался, а кавказские черты лица становились всё более гротескными, как в старых армянских мультфильмах. Мрак в кофешопе оседал и замыливался, будто впитываясь понемногу в его чёрную бороду.

Чтобы убедиться, что мне не кажется, я взял телефон и сфотографировал его. Посмотрев на меня озадаченно, он сфотографировал меня тоже.

Артур, открываясь, собирал в себе карикатурные черты злого волшебника. Он громогласно смеялся, нависал над столиком, его силуэт крепчал и крупнел.

– А чего подруги твоей нет уже минут двадцать?

И в эту секунду, холодное и жёсткое, как асфальт, мне дало пощёчину озарение. Мы, двое двадцатилетних студентов, не сказав никому с конференции о наших планах, пошли курить с огромным незнакомым мужчиной. Мой рост сто семьдесят, а его – сто девяносто минимум. Со мной хрупкая, миниатюрная девочка, которая двадцать минут назад вышла на улицу в чужом городе и не вернулась с тех пор. У нас огромные сумки, мы толком не знаем, куда идти, и понятия не имеем, что мы сейчас выкурили.

«Нужно рвать, быстро. Только так, чтобы он не подумал, что мы пытаемся сбежать. Тогда он может напасть».

– Артур, я что подумал: нам же с Никой уже в Утрехт нуж-

но ехать. Нас ждут. Да и нет её что-то. Давай пойдём? – я постарался максимально замаскировать свои намерения.

После минуты уговоров, состоящих из повторения одной и той же мысли, Артур согласился. Я вышел со своим и Никиным багажом, и, к своему ликованию, увидел её стоящей около входа. По цвету она напоминала мел. Правой стороной лица подыгрывая Артуру, я взял её в охапку и – левой стороной – прошептал:

– Нам сейчас срочно нужно от него свалить. Ты поняла?

– Что?

«Нужно всё брать в свои руки!» – чертыхнулся я внутренне.

Артур расхаживал вокруг нас, окружая, не давая отойти далеко, и охрипшим от курения голосом повторял:

– Сейчас вообще оторвёмся, затусим!

Наконец мы вышли из подворотни. И тут Артур, голодно оглядевшись вокруг, воскликнул: «Смотри, какая тема!» и гигантской, мускулистой рукой указал на стоящий в нескольких метрах «тук-тук» – такси, напоминающее мопед с диваном вместо заднего сиденья.

– Это моя новая фишка! – гоготнул он и направился к таксисту,

– Давайте, прыгайте!

– Артур, нам позарез в другую сторону, – моя неправдоподобность резала уши, Ника молчала, – я посмотрел, нам сейчас прямо, вдоль канала, нам с тобой совсем никак!

– Ну смотрите! Я погнался! – и «тук-тук» медленно поплёлся в противоположную от нас сторону.

«Надо идти. Надо идти, ни в коем случае не останавливаясь, он может увидеть, что мы мухлюем».

И мы двинулись. В направлении, выбранном мной случайно, никак не связанном с нашей поездкой.

В старых компьютерных играх арены для боя с главным противником выстраиваются характерно: проход только в одну сторону, окружение непроницаемо и нужно только для фона, хочешь выбраться – иди, как бы не было страшно. Улицы Амстердама и фасады домов, стоящих по краям, склеились в один нескончаемый коридор. Кончились приветливые неуклюжие туристы с фотоаппаратами. Из распахнутых дверей сувенирных лавок на нас подозрительно смотрели владельцы. То и дело мужчины, появившиеся неоткуда, подрезали нас, и мне оставалось только хвататься за Нику одной рукой и за сумки другой. Та останавливалась фотографировать, а я не мог поверить, как глупо с её стороны не чувствовать надвигающуюся опасность. Люди вокруг явно замыслили против нас. Я не знал, может ли вернуться Артур. Почему мы опять у этого дома. Или это не тот? Мы же идём прямо. Нужно выбраться отсюда. Просто выбраться отсюда.

Я поймал чёткий и чистый звук: на каменный пол упал металлический предмет. Мы с Никой сидели в костёле и внимательно рассматривали фрески на потолке. В голове, всё ещё

слегка тяжёлой, мысли становились в правильный порядок. Дыхание устаканилось. Я огляделся и обнаружил, что Ника цела и невредима. «Уберёг,» – промелькнула тёплая, успокаивающая мысль. Воздух в костёле блестел и просвечивал. Сквозь витражи нас гладило по щекам солнце. Часы в наполовину разрядившемся телефоне показали, что с момента, как я сфотографировал Артура, прошло два часа. Он получился смазанно, – дрогнула рука, – и вглядываться в фотографию я не стал.

Мы списались с организатором конференции, отвечавшим за наше заселение, и вскоре отправились на поезде в Утрехт. Найти вокзал нам помог измятый туристический путеводитель, взятый со стойки Артуром.

Через два дня, приятно утомлённые часами докладов и дискуссий, мы лежали на кровати и слушали редкие щелчки проезжающих за окном велосипедов. Ещё несколько часов – и должно наступить утро. Нас окружают висящие на стенах картонки из-под винилов, старое зеркало, множество книг и уютная софа с гитарой. Организаторы выделяли студентам квартиры свои и своих друзей – потрясающе, нелегко представить такое в России.

Мы голые по пояс. Я лежу ниже, уткнувшись носом в её плечо.

- Всё-таки это была кислота, – задумчиво произношу я.
- М?

- Артур подмешал нам кислоту. У них и такое продаётся.
- Ты уверен?
- Я пробовал здесь, несколько раз – такого эффекта нет.

В разы слабее.

– Не буду я больше с тобой курить.

– Да брось, это просто плохой опыт. *Моя Джульетта, якби ти тільки знала...*

– Не твоя я Джульетта, – она легко ударила меня ладонью по спине.

Я усмехнулся, крепко взял её за талию правой рукой и укусил за шею. Она опустила на меня глаза и спросила: «Обнимешь?» И я обнял. Я вообще редко счастлив, но сейчас, кажется, был.